

Унесенные ветром перемен

МАЛАЯ РОДИНА

Деревни – эти атомы огромного организма, называемого Россией, тысячелетиями определявшие ее самобытную экономику, культуру, мораль, нравы и обычаи, продолжают исчезать, растворяться в мегаполисах. Жалкие попытки задержать на селе молодежь не приводят к успеху. Даже губернаторская программа «Школьный автобус», как вынужденная мера спасения детей от «деревенского идиотизма», невольно способствовала ускорению исхода из деревень. С закрытием малокомплектных школ в населенных пунктах исчезают последние центры общения, гаснут последние очаги культуры.

Если взгляд еще способен поймать где-то на столбовой дорожке крепкие хаты под шиферными или черепичными крышами, то, скорее всего, это дачное поселение, обитаемое только в теплое время года.

Несколько лет назад перестала дымить последняя труба в деревне Кожино Мышкинского района, бывшей некогда центром колхозов «Смычка», потом «Новая жизнь».

«12 апреля 1995 года умерла Гречухина Надежда Алексеевна, умерла вместе с нею и деревня Кожино, – написала об этом событии, Лидия Смирнова, уроженка Кожина, большую часть жизни проработавшая сельской учительницей. – Эта добрая женщина оказалась еще и очень сильной, сильнее всех нас, она не покинула малую родину, как все мы когда-то. Причины, конечно, были весомые для того, чтобы уехать: и работы поблизости нет, и детей крошечных не оставишь без присмотра, но мы все, кто там жили, оказались слабыми, не выдержали испытания, а вот были бы все, как тетька Надя, деревня бы жила и поныне».

Так с сожалением и грустью приносит извинение «своей стране детства» Лидия Александровна, решившая по своему отдать долг отчому крову. В книге «Кожино и кожинские», изданной недавно Мышкинским народным музеем, Лидия Смирнова проследила судьбы не только своей семьи, но и всех деревенских родов, живших в каждой из 26 изб, некогда составивших единую общность по имени Кожино.

Это редчайший в краеведческой литературе случай художественно-документальной деревенской летописи, где честно, без натяжек и вместе с тем с любовью и добротой, выпукло, непредвзято представлены и сохранены для потомков образы исчезающей ныне частички России.

СМИРНОВА О СМИРНОВЫХ

Начинает свое повествование Лидия Александровна, естественно, с истории своей се-

рос, выучился на тракториста. Первого в деревне. Был в Кожине самым грамотным человеком и зимой по вечерам учил читать и писать деревенских, большей частью женщин, которые особенно тянулись к грамоте. Пришло время служить в армии. Война застала его уже на третьем году службы в Кременчуге. Под Витебском Александра контузило. Попал в окружение. Раненого прятала крестьянка. Дважды пытался

детелями, с природой детство в Кожине.

Справные мужики в деревне были, на все руки мастера. Пример, тот же отец Лидии.

– Что появилось новое в колхозе, – вспоминает она, – во всех начинаниях он участвовал. Он не был руководителем никогда, но исполнителем был умелым и надежным. Нужно мельницу оборудовать – пожалуйста, по зимнему пути на лошадях съездили в Кашин, привезли

ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ

Лидия Александровна не идеализирует соседей. Но в каждом из них старается разглядеть что-нибудь доброе и светлое. Уж на что неприятная особа была баба Марья жена коммуниста двадцатипятилетия сянчика Ивана Козлова, справедливого и неглупого человека. Она почему-то считала, что не ровня кожинским женщинам и всячески демонстрировала свою спесь. Но Смирнова тут же вспоминает: «Вот, что она хорошо делала, так это блинчики пекала. Тоненькие, так с творогом, в масле и плавали. Вкуснота! Кормила внучек блинками и нас угощала».

Еще один отрицательный тип – Параха. Так звали Прасковью Алексеевну Смирнову. Страшна была женщина в гневе, чуть что не по ней, дралась, ругалась матом. Но и натерпелась в жизни, за что ее прощали. В молодости вышла замуж за сына состоятельного крестьянина из Угличского района. А семья его попала под раскулачивание. Бедовала в ссылке, в дальних краях, на дне высохшего моря, где-то в Прикаспии, семерых детей схоронила. «Все мы грешны на этой земле, – пишет автор, – и не надо строить из себя мирового судью, одним словом, нельзя всех здесь живущих судить. Если все примемся кого-то судить, так от того человека «ни палок, ни досок».

Описывает Лидия Александровна как кожинские друг друга выручали: кто погорит, всегда находились не близкие, так дальние родственники, пускали к себе жить, пока не построятся заново. За малыши детьми присмотреть, это тоже заведено было. Школьников сызмала брали с собой в поле, а в 14 лет на них в колхозе уже заводили трудовые книжки.

Подробно описывает Смирнова, как училась воз выкладывать с сеном, лен стлать, поднимать и вязать. И что интересно, ровесницы Лиды, некогда уехавшие с родителями из Кожина, кто в Рыбинск, кто в Питер, кто в Ярославль, и наезжавшие в канюки к бабушкам в качестве дачниц, тоже работы в колхозе не гнушались, помогали по мере сил.

Вспоминает Лидия Александровна всю кожинскую науку с благодарностью за все лучшее, что воспитала в ней деревня.

В Мышкине ее уважают. Кожинский летописец депутат районной Думы и староста сельского храма Святого Духа. «Кожино и кожинские» ее первая книга, надеемся, что не последняя.

Андрей СОЛЕНИКОВ.

Фото из архива Лидии Смирновой (сама она вторая справа в первом ряду).

мьи. Ее дед в сталинские времена застрелился, оставив предсмертную записку: «Моя совесть чиста, я ничего не знаю, а за мной следят, это мне ужасно прискорбно, и моя натура не переносит этого несправедливого ко мне отношения». И далее: «В этот час к небу теперь моя последняя исповедь, смотря смерти в глаза, я смотрю всему человечеству в глаза прямо и честно, потому, что я ничего не знаю, в чем меня хотят обвинить, особенно желаю счастья в проведении социализма всему человечеству, а особенно своему Отечеству. Прощайте. Любящий всех честных и открытых людей. Прощайте. Я чувствую, что какими-то сетями я опутан, но не могу понять почему».

– Гибли люди, – комментирует письмо деда Лидия Александровна, – лучшие люди, активно участвовавшие в жизни, порядочные хозяева, любящие отцы и мужья. Это не единственный пример. А сколько без вести пропало в лагерях...

Дед мой Василий Лукич, чтоб спасти семью от преследования, ушел из жизни сам. Семью не тронули. Но какой удар, какое горе...

Отец Лидии Александр вы-

бежать, но неудачно. Собирались повесить. Местная помещица «гроссбауэр» спасла его от смерти, попросив немцев отдать полуживого пленного ей в батраки. От нее он бежал уже с группой таких же «рабов». На этот раз удачно. А вот его брату, любимому крестному Лиды Алексею повезло меньше. Его в плен немцам сдал командующий вместе со всей армией. Полной мерой хлебнул солдат и позора, и ГУЛАГа. Только в 1954 году вернулся в родную деревню.

Кровавым катком прошла по Кожину война. Многие не вернулись. Многие остались инвалидами. Лагерь добирала тех, кто уцелел на фронте. Редкому дому повезло. В том числе Смирновых.

– С войны отец пришел в 1947 году весной. В мае сыграли свадьбу с моей мамой, Маркеловой Прасковьей Ивановной. Она его все эти восемь лет ждала, – рассказывает Лидия Александровна о рождении своей семьи.

Сама она появилась на свет в голодном послевоенном 1948-м. Вспоминает свое нищее и, в то же время, наполненное счастьем общения с любящими ро-

жернова, установили, подвели ток от колхоза. Сам съездил за движком для колхозной электростанции, сам его устанавливал, сам работал на нем. Потом обучил двоих парней.

Вспоминает кожинский летописец, как отец спасал лошадей, когда бурей повалило конюшню, как дойную козу – соседку кормилицу – доставал из колодца, как умирал драчунов.

«...Был случай пострашней. Паисьев день. Гулянье между нашим и Фураевым домами. Пространства немного, но так уютно разместились беседа (танцы), Павел Васильевич Калинин самозабвенно играет, все танцуют, в доме у нас слышно музыку, гости сидят за столом, совмещающая два удовольствия. Чего еще нужно?!

И вдруг: «Бах! Бах!» – подряд два выстрела, все мы замерли, беседа враспыленную. Отец вмиг оказался на улице, мама за ним. Стрелял в воздух Прусов Миша из Толпыгина и уже вновь перезарядил обрез. Папа, не боясь, подошел к нему, обрез отобрал, разрядил за спиной, передал маме, та унесла обрез, а отец остался с парнем, успокоил его, и беседа продолжилась».